

А. А. ГИРУЦКИЙ
О ПРЕДМЕРЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

В статье показана историческая изменчивость предмета науки. Сформулирован предмет современной общей теории языка – внутренняя структура языка вообще, независимая от специфических форм ее проявления в многообразных языках мира. Охарактеризована общая теория языка, базирующаяся на геометрическом образе его внутренней структуры. Затрагивается проблема отношения ученого к новому знанию, к научному наследию и к смежным наукам.

Понятие предмета науки исторически изменчиво. Можно указать множество факторов, оказывающих влияние на содержание понятия «предмет науки»: уровень развития самой науки и ее место в системе знаний, господство тех или иных научных принципов и философских идей, влияние национальных научных традиций, вклад в науку и научные интересы отдельных ученых. Все эти факторы прослеживаются в истории языкознания, являющего собой итог длительного исторического развития и совершенствования науки о языке. Эта наука зародилась в эпоху мифотворчества, в эпоху господства трансцендентных знаний, длительное время развивалась в тесной связи с филологией, философией, историей и другими гуманитарными науками. В истории языковедения одно лингвистическое направление со своими концепциями и методами сменялось другим, в борьбе различных концепций рождались новые лингвистические идеи, методы изучения языка устанавливались связи с другими науками, что с неизбежностью приводило к изменению представлений о предмете языкознания.

У древних греков наука о языке начиналась с учения о правильном чтении и письме и носила название грамматического искусства, которое входило в ряд других словесных искусств – риторику, логику, стилистику. Постепенно грамматика из искусства правильно читать и писать превращается в науку о языке, существенно расширяя свою проблематику. В XIX – начале XX века в науке о языке складывается многообразие направлений и течений, различающихся тем, какой аспект языка считается основополагающим в доктрине о языке, то есть предметом исследования. Так, сравнительно-историческое языкознание считало язык генетическим родством и требовало объяснения его происхождения; логические школы искали в языке всеобщее, относя его в область мышления, и частное, относя его к национальной форме языка; психологическое направление сущность и развитие языка усматривало прежде всего в психологическом факторе; натурализму свойственен был взгляд на язык как естественный организм; структурализм на первый план выдвигал внутреннюю структуру языка, требование изучать язык «в себе и для себя»; социологическое направление подчеркивало общественную природу языка и предлагало рассматривать все

его явления в неразрывной связи с развитием общества. Представители различных течений и школ часто объявляли конкурирующие направления лженаучными, не имеющими ничего общего с природой языка, и потому недостойными развития и рассмотрения, забывая при этом, что их собственная доктрина – всего лишь частный случай феномена языка. На самом деле, сменявшие друг друга на протяжении определенного времени различные течения и направления не отменяют одно другое, а находятся в дополнительных отношениях друг к другу и в совокупности дают наиболее объемное представление о языке как феномене. Борьба и развитие идей в науке о языке сформировали современные представления о нем как о сложном сочетании материального и идеального, биологического и психического, общественного и индивидуального, как о явлении, обладающем сложной внутренней структурой. И хотя сам язык как объект науки всегда был дан человеку в непосредственном наблюдении, уже на ранних этапах языкознания была понята несомкнутая сложность предмета исследования, связанная не столько с его наблюдаемыми формами, сколько с его внутренним устройством.

Современное языкознание не только не отвергло существовавшие в XX веке течения и направления в лингвистике, но и углубило исследования в каждой из областей. Это привело к еще большей дифференциации исследований даже внутри каждого из направлений. Более того, современное языкознание расширило и укрепило связи не только с гуманитарными, но и с естественными и физико-математическими науками, что привело к возникновению новых теорий и появлению новых лингвистических дисциплин. Такая специализация научных исследований вызвала к жизни еще одну тенденцию – стремление к интеграции научных исследований и к осмыслению их результатов в рамках общей теории языка.

Следует заметить, что сходные явления происходят сейчас и в других науках. Для науки начала XXI века характерны две отмеченные противоположные тенденции – дифференциация и интеграция научных исследований. Дифференциация привела к глубокому разветвлению научных дисциплин, их специализации, к возникновению новых научных дисциплин на стыке наук. Дифференциация научных исследований позволила накопить огромное количество сведений в самых разных областях знаний, интеграция побуждает к их осмыслению и систематизации в общей научной парадигме. Характерными чертами развития науки на современном этапе является переосмысление различных эмпирических фактов и частных разработок в рамках общих объясняющих теорий.

Внутри языкознания тенденция объединения разных школ и направлений в рамках общей теории языка наиболее ярко проявилась в поисках единой внутренней структуры языков мира. В конкретных исследованиях наиболее зримо эта тенденция воплотилась в оживлении интереса к лингвистическим универсалиям (Е. Курилович, А. Мартине, Ю. С.

Степанов, Р. О. Якобсон и др.), в убеждении в том, что за поразительным многообразием языков мира скрываются общие для всех их свойства. Попытки осмысления внутреннего единства языков мира относятся еще к XVII веку, к авторам универсальной грамматики А. Арно и Кл. Лансло. Тем самым было положено начало зарождению общей теории языка и сформулирован ее предмет – внутренняя структура языка вообще, независимая от специфических форм ее проявления в многообразных языках мира. Так, Я. Гримм в своей работе «О происхождении языка» отмечал, что все языки представляют собой уходящее в историю единство, а их многообразие служит умножению и оживлению движения идей. История языкознания свидетельствует о том, что получение такой внутренней структуры – вершина, к которой всегда стремилось теоретическое языкознание, его виднейшие представители: В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Бодуэн де Куртенэ, Л. Ельмслев и др. Независимо от подходов к этой проблеме у теоретиков языкознания всегда была одна общая платформа – внутреннее единство языков мира. Мысль о том, что при всем безграничном несходстве языков они созданы как бы по единому образцу, стала доминирующей в современной общей теории языка. Это поставило общую теорию языка перед необходимостью «объяснительной адекватности», то есть к выявлению и интерпретации языковой структуры в целом, не связанной с конкретными формами национальных языков. Такая попытка была впервые предпринята Копенгагенской школой структурализма еще в начале XX века, однако она не привела ее авторов к созданию универсальной лингвистической теории, основанной на внутренней структуре языка. Одной из причин неудачи датских структуралистов явилось полное игнорирование ими лингвистической традиции. Задача создания общей теории языка осталась актуальной для их современников и последующего языкознания. О необходимости ее решения говорилось в 1962 году в Кембридже (США) на IX Международном конгрессе лингвистов. Н. Хомский в 1968 г. указывает на насущную потребность объединения эмпирического направления в языкознании с тем, которое «занимается абстрактными обобщениями». К 70-м годам XX века созревает мнение, что «исследование языковой структуры является основной задачей всех направлений современной лингвистики, а кардинальный принцип такого структурного (или, по другой терминологии, номотетического) подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики, можно определить как сочетание инвариантности и относительности» [4, 405].

Поиски лингвистикой единой внутренней структуры языка оказались тесно связанными с главной тенденцией современной фундаментальной науки – поиском непротиворечивой основы мироздания в виде геометрического образа и созданием на этой базе общей теории науки. Попытки построения такой грандиозной объединяющей теории привели многих ученых к мысли, что это, по-видимому, невозможно в рамках

стандартной системы идей и что здесь требуется привлечение новых представлений и методов [см., например, 1, 12].

Главная тенденция современной фундаментальной науки поставила общую теорию языка перед необходимостью представления внутренней структуры языка в виде геометрической модели. Строго говоря, если в начале было Слово, то, построив непротиворечивую геометрическую модель реального слова, можно получить основу мироздания. В этом случае геометрическая модель структуры слова должна обладать огромной объясняющей силой и для других объектов микромира и макромира, поскольку она будет выступать и их основой. Если принять за аксиому, что в начале было Слово, то первый шаг в создании общей теории языка на основе его внутренней геометрической структуры должен заключаться в получении геометрической модели слова.

Попытки отражения структуры слова в виде тех или иных геометрических фигур и схем существуют в лингвистике. Однако их главным недостатком является то, что они не являются конструктивными моделями, то есть теоретическими аналогами, отражающими *реальное* внутреннее устройство слова. Имеющиеся в лингвистике геометрические представления слова носят лишь методический характер: помогают в наглядно-образной форме осмыслить те или иные теоретические положения. Другой недостаток существующих геометрических представлений слова заключается в том, что исследователями не обозначаются все значимые элементы в его структуре и не прослеживаются их системные связи и отношения, что недопустимо в конструктивной модели. Преодоление этих противоречий, основанное на геометрических законах для построения подобного класса структур, дало возможность автору статьи непротиворечиво представить внутреннюю структуру любого языка в виде геометрического образа – двенадцатигранника, который объединяет все известные лингвистике фундаментальные элементы и структурные свойства слова и языка [2]. Полученная модель слова является конструктивной, поскольку она покоится на геометрических законах, существующих при построении подобного класса структур. В частности эта модель удовлетворяет требованиям поворотной, зеркальной и моноклинной симметрий. Она также включает в себя фундаментальные, то есть самые основные, исходные, первичные, структурные свойства слова и языка: двойственность, синтагматику и парадигматику, которые носят топологический характер. (Топология – раздел математики, изучающий наиболее общие свойства геометрических фигур) Для фигуры характерны такие топологические парные свойства (топологические свойства – свойства геометрических фигур, не изменяющиеся при любых непрерывных преобразованиях фигур), как континуальность и дискретность, зеркальность и комплементарность, симметричность и асимметричность, что дает возможность точно описывать структурную модель с помощью математического аппарата. Такой подход к

языку не отменяет ни одно из существующих в современной лингвистике направлений, напротив, он учитывает все их достижения, но лишь резко очерчивает предмет общей теории языка – конструктивная модель языка, покоящаяся на его внутренней структуре. Талантливый представитель Казанской лингвистической школы Н. В. Крушевский в свое время задачу теории языка видел «в высшем стиле в одних только обобщениях».

Полученная додекаэдрная структура слова является геометрической идеализацией объекта, отвлеченной от его несущественных структурных признаков. Однако то, что модель соответствует действительному строению слова и языка, можно принять лишь в том случае, если ее удастся распространить на другие объекты, связанные с языком. Эти объекты независимо от их физического облика должны сохранять топологические свойства полученной структуры. Модель будет проявлять свою ценностную силу тем выше, чем большее число объектов и явлений она будет описывать. Степень достоверности модели действительному устройству объектов возрастает с увеличением числа феноменов, подпадающих под модель.

Полученная автором статьи геометрическая фигура точно отражает устройство мозга и особенности осуществления мышления в нем, впервые дает представление о структуре сознания, непротиворечиво объясняет структурное сходство генетического кода и естественного языка, находит свое подтверждение в структуре планет, галактик, Вселенной. Она же непротиворечиво показывает возможность возникновения и объединения четырех фундаментальных физических сил и взаимодействий – сильного, слабого, электромагнитного и гравитационного. Обнаружен, таким образом, структурный изоморфизм ряда фундаментальных явлений мироздания, который объясняется полученной моделью слова. Если считать, что два совпадения – это тенденция, три совпадения – закономерность, то в данном случае можно уже говорить об открытом законе. По крайней мере, можно утверждать, что сегодняшняя наука не располагает другим геометрическим образом, обладающим такой же огромной объясняющей силой для фундаментальных явлений мироздания, как полученная автором статьи модель структуры слова. Таким образом, решена основная проблема не только общей теории языка, но и общей теории науки. Это может показаться нескромным, но создатель теории должен видеть ее место в системе существующего знания, иначе полученное им новое знание повисает в воздухе, смысл и ценность теории, возможности ее применения остаются неопределенными.

Согласится ли с таким выводом автора все научное сообщество – это другой вопрос. Здесь вступают в действие уже другие факторы, иногда весьма далекие от науки. Однако тот факт, что теория прошла многочисленную апробацию не только среди лингвистов, но и представителей других наук, а также преподается в вузах, уже говорит о многом.

Следует заметить, что современное языкознание пестрит разнообразием часто противоречащих друг другу лингвистических теорий, иногда при этом некоторые частные теории претендуют на роль общей теории языка. В силу этих факторов современное языкознание характеризуется интенсивной борьбой и жаркими дискуссиями. При этом зачастую резкость, хлесткость и непримиримость суждений подменяют собой научную аргументацию. Вот и разработанную автором статьи теорию некто Тираспольский Г.И. отнес к «псевдолингвистическим новым учениям» [3, 86]. Фактически же при непредубежденном взгляде на существующие лингвистические доктрины и дискуссии выявляется, что большинство противоречий относится к поверхности лингвистики и не затрагивает ее глубинных основ как науки.

Вряд ли стоило бы уделять в этой статье внимание пассажирам малоизвестного лингвиста Тираспольского и делать ему рекламу, тем более что наличие «псевдолингвистических учений» его «ободрит», если бы за этим не просматривалось, по крайней мере, три фундаментальных вопроса, так или иначе встающих перед ученым: отношение к новому знанию, отношение к научному наследию и отношение к смежным наукам.

Но прежде чем рассмотреть эти три вопроса, следует уточнить, что же такое предмет теоретической лингвистики, поскольку господин Тираспольский в своих тезисах сетует на потерю теоретической лингвистикой предмета своего исследования. Правильным является обратное: теоретическая лингвистика не потеряла предмета исследования, просто он никогда не был единственным. Своеобразие любой частной теории языка всегда покоилось на специфике ее предмета, хотя объектом теории всегда выступал язык как феномен. Именно специфика предмета исследования делает различными четыре упоминаемых Г. И. Тираспольским «псевдолингвистических» учения: три предмета исследования охватывают частные аспекты языка, поэтому эти учения относятся к частным теориям, а теория А. А. Сируцкого относится к общей теории языка, поскольку ее предметом является внутренняя структура любого языка. Не видеть и не понимать этого – слабо разбираться в фундаментальных вопросах теории языка.

Что касается отношения к новому знанию, то в среде ученых оно никогда не было простым. Спектр мнений всегда варьировался от поддержки до конструктивной критики, от неприятия до охаивания без всякой аргументации. Вспомним объявление генетики и кибернетики «продажными девками» капитализма, сопротивление классической физики идеям квантовой механики и др. В этом нет ничего удивительного, ибо консервативность мышления заставляет новые учения проходить жесткий «естественный» отбор. Вместе с тем вряд ли следует приветствовать в науке суждения, основанные на эмоциональном запале, а не на компетентности и аргументах.

История любой науки всегда покоится на традициях, хотя отношение к тому или иному традиционному знанию бывает разным. В каждой науке имеются некие глубинные основания, которые сохраняются на протяжении многих десятилетий. К ним относятся фундаментальные принципы и законы того или иного изучаемого феномена. Эти принципы и законы могут дополняться, уточняться, развиваться, но вместе с тем сохранять свое принципиальное единство с новым знанием. От них невозможно «отречься», поскольку они суть фундаментальные свойства исследуемого объекта. Поэтому призыв господина Тираспольского развивать «светлые идеи классиков» выглядит наивным, ребяческим и у серьезного ученого может вызвать только недоумение, поскольку он привык полагаться на факты, в том числе и добытые его предшественниками, и логику научного мышления. Надо быть очень зашоренным ученым, чтобы не видеть, что «додекаэдрная модель А. А. Гируцкого» учитывает лучшие достижения лингвистической мысли, полученные ею за весь период своего развития. Вместе с тем теория А. А. Гируцкого органично вытекает из требований современной фундаментальной науки, основывается на ее достижениях, а по большому счету, возникает из практических потребностей общества, вероятно, еще до конца не осознанных.

Неоднозначным бывает отношение ученых к смежным наукам, к использованию их результатов, методов и принципов в своей науке. Привычнее и легче работать в универсуме своей науки, вторжение в область других наук связано с рядом отрицательных факторов, которые нет надобности здесь перечислять. Отметим только один из таких «пугающих» факторов: необходимость знаний, иногда обширных, из смежных наук. Судя по всему, последнее обстоятельство и «взбодрило» Г. И. Тираспольского до такой степени, что он отнес теорию А. А. Гируцкого к «псевдолингвистическим учениям», хотя основа теории сугубо лингвистическая - структура слова и составляющие его фундаментальные лингвистические единицы. Вместе с тем выход за пределы универсума своей науки может оказаться плодотворным, если «нащупаны» те или иные фундаментальные принципы, объединяющие разные науки. Тогда в этой точке происходит соприкосновение, слияние универсумов, расширяющее привычные горизонты до более широких пределов. Пуристическая точка зрения «традиционалистов» в науке, не принимающая контактов с другими науками, оказывается в этом случае тормозом, замедляющим развитие собственной науки и обрекающим ее на замкнутость в своем универсуме, как будто тот существует в отрыве от всей остальной действительности. Выявленный в общей теории языка А. А. Гируцкого структурный изоморфизм имманентной структуры языка с мышлением, сознанием и другими объектами действительности, показывает на включенность языка в общий универсум мироздания и в силу этого возможность его адекватного отражения в формах естественного языка. Обнаруженный изоморфизм

явлений дает возможность пользоваться его результатами не только лингвистам, но и представителям других наук.

Теория А. А. Гируцкого покоится на синтезе данных целого ряда конкретных наук, а не только лингвистики, поэтому опровергнуть полученные результаты «кавалерийским наскоком» или парадигмой «старого» знания никак невозможно. Додекаэдрную модель можно опровергнуть только новой геометрической моделью, если она будет обладать большей объясняющей силой, чем додекаэдрная структура. И это тоже невозможно, поскольку придется опровергать фундаментальные принципы не только лингвистики, но и естественных и физико-математических наук, а на самом деле – фундаментальные принципы устройства мироздания.

Правильное и непротиворечивое описание с помощью структуры слова большого круга феноменов дает основание относить разработанную общую теорию языка к завершенным теориям. В. Гейзенберг когда-то замечал, что верный проект завершенной теории с самого начала обладает огромной убедительной силой уже потому, что его нельзя сразу опровергнуть. В науке справедливо считается, что убедительная сила завершенной теории в конечном итоге определяется ее простотой и красотой. Эти два эстетических критерия вполне согласуются с рассматриваемым геометрическим образом слова. Как известно, завершенная теория дает также одну из предпосылок дальнейшего исследования на общей основе структурных феноменов, вовлечения в их круг других объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухбиндер И. Л. Фундаментальные взаимодействия // Современное естествознание: Энциклопедия: в 10-т. Т. 4. Физика элементарных частиц. Астрофизика. М.: Издательский Дом Магистр-Пресс, 2001. – С. 7 – 12.
2. Гируцкий А. А. Структура слова. Минск: БГПУ, 2005.
3. Тираспольский Г. И. Изучение теоретической лингвистики в условиях кризиса // Академические чтения. – СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2002. – Вып. 3: Теория и практика модернизации отечественного образования. – С. 86 – 88.
4. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. – С. 405.